КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
Комовская Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – ART 14184. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14184.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.
ART 14184 УДК 82.09

Комовская Елена Витальевна,
кандидат филологических наук, специалист ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск
komovskaya86@mail.ru

От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь»)

Аннотация. *В статье рассматривается новая жанровая разновидность. Определены и проанализированы основные жанровые признаки постантиутопии как самостоятельной жанровой категории романа на примере романа Т. Толстой «Кысь».*
Ключевые слова: *постантиутопия, сверхсодержательное понятие, жанровая категория, жанровые признаки, жанр.*
Раздел: *(05) филология; искусствоведение; культурология.*

Рассказывая об истории создания романа «Кысь», Т. Толстая в интервью журналу «Афиша» отмечает: «четырнадцать лет писала», причем «роман долго отлеживался: однажды пролежал года четыре вообще без движения» [1]. Идея самой книги родилась, как вспоминает писательница, когда они с мужем (филологом) сидели и «играли в какую-то стихотворную чепуху» [1]. Именно в одном из сочиненных им гекзаметром стихов «проскочило слово Кысь», которое и понравилось Т. Толстой. Позже это слово, по воспоминаниям писательницы, она встречала неоднократно в стихах народа Республики Коми.

Некоторые исследователи считают, что в романе содержится указание на актуальную проблему 80-х гг. – гонку вооружений, «будто люди играли и доигрались с АРУЖИЕМ» [2]. Однако сама Т. Толстая опровергает данную теорию. По другой версии книга начала писаться с 1986 г., поэтому естественно возникает ассоциация с Чернобыльской катастрофой. Однако и эту гипотезу автор романа опровергает. В своем интервью она отмечает, что Чернобыльский взрыв только отчасти послужил завязкой для романа, ей бы хотелось уйти «именно от этой ассоциации» [1]. Писательница убеждена, что «у всех свои взрывы, катаклизмы, войны, гибель привычных миров» [1] и выход из них тоже глубоко индивидуален. Ключевым вопросом, побудившим Т. Толстую создать роман «Кысь», стало стремление познать «загадочную русскую душу» [1], постоянно бросающуюся из крайности в крайность в поиске того самого индивидуального выхода. По словам писательницы, мы из тех, кто «боится ИНН и верит МММ…» [1]. Лев Рубинштейн определяет данное произведение как новую «энциклопедию русской жизни» [3]. Подобно роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», произведение Т. Толстой охватывает всю русскую действительность, только если у Пушкина представлен во всех красках мир XIX столетия, то у Т. Толстой со страниц романа заговорила Россия конца XX – начала XXI в. Новый предмет изображения неизменно заставлял и заставляет авторов искать адекватную жанровую форму для выражения привычных истин через эффект припоминания, узнавания и, как следствие, позволяет говорить о рождении нового осознания действительности.

Мнения критиков по поводу жанра романа Т. Толстой «Кысь» разделились: Ю. Латынина [4], Б. Парамонов [5], А. Немзер [6], Л. Беньяш [7], Б. Ланин, М. Боришанская [8] определяют жанр романа как «антиутопия». Н. Иванова, Н. Лейдерман, М. Липовецкий считают, что романа «Кысь» «никакая не антиутопия» [9]. Третья группа исследователей предлагает рассматривать жанр романа как амби-

Комовская Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – ART 14184. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14184.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

валентный, или двойственный. Они стоят на той позиции, что сочинение Т. Толстой может быть как утопией, так и антиутопией.

Однако все критики едины во мнении, что «Татьяна Толстая написала – создала – самую настоящую модель русской культуры. Работающую модель. Микрокосм» [10]. Кроме того, помимо необычного предмета изображения, эволюционирующей модели русской культуры, существует и ряд других жанровых особенностей, позволяющих говорить о неправомерности рассмотрения романа «Кысь» в рамках антиутопии. Основополагающим признаком антиутопии считается попытка построить некий идеальный будущий мир и невозможность его построения, отсюда личностное разочарование героя. Однако в романе Т. Толстой все уже случилось: «Большой взрыв» произошел, герои уже ничего не строят, они пытаются либо выжить, либо наилучшим образом устроиться в мире «перерожденцев», «ржави» и «хлебеды» [2]. Попытки изменить мир Льва Львовича и Никиты Ивановича ксероксом так же безосновательны, как актуален вопрос невозможности электричества в городе Федор-Кузьмичск. Следовательно, *отсутствует главный признак антиутопии: стремление построить идеальный мир будущего*, отсюда нет ещё одного значимого жанрового признака антиутопии – разочарованного героя. Хотя роман «Кысь» личностен по своей природе, но все-таки её герой – это уже не отчаявшийся Вощев из романа Платонова «Котлован» или Д-503 из романа Замятина «Мы». Герой Т. Толстой – это обычный созерцатель, живущий идеалами прошлого, даже к настоящему Бенедикт относится без каких-либо оценок.

Можно выделить и третью черту, отличающую роман Т. Толстой от классической антиутопии. На неё указывают в своей работе и Н. Лейдерман, и М. Липовецкий, полагая, что нарушен основной принцип жанра антиутопии, так как Т. Толстая «не прогнозирует будущее» [11], напротив, в романе идут рефреном отсылки к прошлому. Так, например, Лев Львович и Никита Иванович постоянно пьют за «возврат к истокам» [2], предаются воспоминаниям «о славном прошлом» [2]. С проблемой преодоления исторической памяти связано и неуемное желание Никиты Ивановича поставить у каждого дома столбы с надписями из прошлого «Садовое кольцо», «Кузнецкий мост», «Арбат». Сама охота Бенедикта за книгами напоминает охоту за прошлым. В разговорах героев постоянны воспоминания о прежнем идеальном мире. Т. Толстая в интервью журналу «Афиша» заявила, что целью её изображения было вовсе не будущее, а «наше вечное настоящее» [1], которое, как ни у одного другого народа, по мнению писательницы, складывается из постоянных воспоминаний о прошлом, ежедневных сравнений прежнего с настоящим.

Четвертый признак, отличающий роман Т. Толстой «Кысь» от антиутопии в классическом понимании, выделяет А. Н. Воробьева. Исследовательница считает, что в романе «Кысь» «нарушаются все пропорции и связи между компонентами через нарочитое повторение опорных ситуаций классических сюжетов, благодаря чему создается пародийный образ самой антиутопической литературы» [12]. Сама природа философских вопросов в романе снижается за счет обращения при их решении к сюжетам сказок о колобке, репке. На страницах романа Т. Толстой не встретишь героя, задумывающегося о смысле бытия и разрешающего этот вопрос через обращение к философскому наследию Ницше, Брехта и других, зато страницы романа пестрят суеверными преданиями, повериями, приметами. Например, о лечении икоты, ячменя, книгах, мышах.

Пятым признаком, отличающим роман «Кысь» от антиутопии в классическом понимании, можно считать саму природу катаклизма, под влиянием которого происходит смещение жизненных ориентиров. Если в классической антиутопии все меняется под давлением экономических, политических обстоятельств, то у Т. Толстой

Комовская Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – ART 14184. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14184.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

всему виной природный коллапс, произошедший по вине человечества, – «Большой взрыв». Если политическую систему, экономические законы можно изменить, то природные процессы необратимы, поэтому произведение Т. Толстой углубляет присущий антиутопии трагизм в окончательную безысходность сложившейся ситуации.

Шестым признаком, отличающим произведение Т. Толстой от антиутопии в классическом понимании, является природа личностного ощущения мира героем. Если в антиутопии человек подсознательно догадывается о возможной иллюзорности конечного строительства идеального мира, но все же верит в него, то в постантиутопии постоянным сравнением мира до и после полностью исключается подобного рода иллюзия.

Такие черты, как мениппейная традиция, вставные жанры, повествование от первого лица, наличие ритуала, псевдокарнавал, личностность, показ нового мира изнутри, глазами главных героев, роднят произведения Т. Толстой с классической антиутопией, однако устремление писательницы не в прошлое, а в будущее (наличие образов города, управленцев, учреждений не будущего, а настоящего), отсутствие строительства идеального мира, созерцательный герой, пародийность самой антиутопии – все это позволяет нам говорить, что перед нами не антиутопия, а так называемая *постантиутопия,* под которой следует понимать произведение литературы, устремленное к идеалам прошлого, с перевернутым фантастическим представлением действительности под влиянием различного рода катаклизмов, неподвластных человеку, в результате пространство больше не выхолащивает человеческое в человеке, человек деградирует сам по себе, а те, кто сохраняет в себе долю личности и зачатки памяти прошлого, не могут ими воспользоваться в полной мере в силу объективных обстоятельств, необратимых природных катаклизмов.

Таким образом, если в антиутопии есть призрачная надежда на спасение за счет переоценки политического режима, экономической ситуации, то постантиутопия имеет более пессимистический прогноз – из мира «перерожденцев» спасения нет, как нет возможности вернуться в прошлое после «Большого взрыва».

Сравнение и соотношение жанровых признаков утопических жанров можно представить в следующей таблице (см. табл. 1).

Одним из значимых признаков, позволяющих говорить о самостоятельности жанра постантиутопии, можно считать наличие специфического *«сверхсодержательного» понятия*. Любая антиутопия также обладает «сверхсодержательным понятием», будь то Единое Государство, Котлован или что-то ещё, однако за ними легко угадываются близкие автору политические, экономические события и явления той или иной эпохи. В постантиутопии «сверхсодержательное понятие» в своей устремленности в осознание философских законов бытия шире экономических и политических рамок, значительней природных коллапсов, охватывает многочисленные грани философских проблем. Так, например, одним из концептуально значимых «сверхсодержательных понятий» в романе Т. Толстой можно считать образ-символ «Кысь». Из шутливого обозначения, придуманного мужем писательницы во время игры в домашнюю «стихотворную чепуху», оно приобретает новые грани в одноименном романе. По мнению исследовательницы Т. Т. Давыдовой, «хищная Кысь – символ жестокости общества, изображенного в романе» [13], однако существуют и другие трактовки.

Кысь в романе представлена как некое существо, обладающее как чертами кошки, так и птицы, у людей, видевших Кысь, «выходит весь разум» [2], потому что она «главную-то жилочку нащупает и перервет» [2]. Как знать, может быть, именно эта «жилочка» мешает Бенедикту и другим мутантам познать азбуку нравственности. Мутанты, потеряв эту самую «жилочку», не способны жить по законам до «Большого взрыва», потому что в обществе «перерожденцев» нравственность считается «страшным увечьем» [2].

КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
ART 14184 УДК 82.09
Комовская Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – ART 14184. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14184.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

Таблица 1

Сравнение и соотношение жанровых признаков утопических жанров

№	Утопия	Антиутопия	Постантиутопия
		I. Представление мира	
1	Через описание идеального мира (приближен к райскому саду)	Через описание строительства идеального мира (будь то Единое Государство, Котлован или что-то еще)	Через память об идеальном мире. Мир расколот на до и после. Настоящее не радует, но и к прошлому возврата нет
2	Мир данность со знаком плюс	Мир переменчив (от восторженности мироустройством герой постепенно приходит к разочарованию)	Мир данность со знаком минус (герой изначально разочарован, но старается существовать и не задумываться)
3	Без катаклизмов (рай на земле)	С политическими, экономическими катаклизмами (обратимы)	Природные коллапсы (не обратимы)
4	Благоприятные обстоятельства для жизни	Неблагоприятные, но с возможным изменением в лучшую сторону	Неблагоприятные, изменению не поддаются
		II. Особенности хронотопа и композиционной организации	
1	Замкнутое пространство	Замкнутое пространство	Обширное пространство, устремленное в разные части света – на юг и запад, восток и север
2	Время сосредоточено на райском настоящем	Время устремлено в будущее, в котором все недостатки должны исчезнуть, а в результате исчезает счастливый герой, его подменяет разочарованный герой	Время постоянно отсылает к прошлому, где осталось все лучшее
3	Карнавальные элементы, мениппея, вставные эпизоды	Псевдокарнавальные элементы, мениппея, вставные эпизоды, в основе которых – абсолютный страх	Псевдокарнавальные элементы, мениппея, вставные эпизоды, в основе которых –абсолютное безразличие или отчуждение
		III. Художественные особенности изображения героя	
1	Герой – созерцатель положительного	Герой-строитель	Герой – констататор отрицательного
2	Восхищенный герой	Разочарованный герой	Свыкшийся, почти приспособившийся герой

Ряд исследователей полагают, что Кысь – это прообраз русской «мятущейся души», ставящей перед собой постоянно вопросы и не способной ни на один из них дать ответа. В поддержку данной трактовки выступает тот факт, что Кысь подкрадывается к Бенедикту исключительно в моменты размышления над смыслом бытия или в ситуациях сложного нравственного выбора. Она преследует героя, когда он размышляет с соседями о природе «и вроде бы все как всегда… а вдруг так-то тошненько станет…» [2]. Это состояние всеобщей тошноты «перерожденцы» называют «кысь в спину смотрит», а те, кто из прежних, «ФЕЛОСОФИЕЙ» зовут. К дому Бенедикта, когда он один, подкрадывается «незримая Кысь» [2], поэтому многие исследователи полагают, что под Кысь следует понимать страх одиночества. В такие моменты от нее спасает только песня или пляска.

Нельзя не согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что Кысь – это тоска, потому что тех, кого она «испортила» «одолевает тоска страшенная, лютая, небывалая» [2]. В пользу данной интерпретации символического образа говорит ситуация «непреодолимой тоски», поселившейся в мыслях Бенедикта в доме у тестя, когда он дочитал последнюю книгу. «Опять словно тревога; словно бы себя потерял, а где, когда, – не заметил» [2]. Возможно, только Кысь способна заставить человека задуматься над вопросами «где?», «когда?» и

Комовская Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – ART 14184. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14184.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

только она может дать ответ «откуда», откуда Бенедикту взять новые книги. Данную трактовку подтверждает тот факт, что *слово «Кысь» в речи жителей Республики Коми указывает на наречие «откуда, где, как».* Возможно, именно поэтому у перерожденцев при встрече с ней «весь ум выходит», потому что, увидев её, они, возможно, находят ответы на вопросы «где, как, откуда» и больше уже не могут жить по устоявшимся нормам общества «мутантов».

Может быть, Кысь – та незримая совесть, которая заставляет дрожать санитарский крюк Бенедикта на первом выезде, а сам герой – это последнее воплощение зачатков совести.

Обобщаем вышесказанное: «Кысь» – это то «сверхсодержательное понятие», которое может передать метания «русской души», поиски ответов на извечные вопросы бытия, страх одиночества, постоянный нравственный выбор, непреодолимая тоска, тревога, болезненная скука до тошноты, скребущая совесть и невозможность противостояния личным интересам. Только «Кысь» способна задать и ответить человечеству на три основополагающих вопроса: где?, куда?, откуда?

Где взять силы, чтобы познать нравственную азбуку, куда направить полученные навыки и, самое главное, откуда почерпнуть эти знания? Т. Толстая в художественном пространстве дает ответы на поставленные вопросы: силы для познания нравственности кроются в нас самих, направлять их необходимо на наше настоящее, пока не поздно, а почерпнуть эти знания можно только из наследия прошлого – книг. В этом, очевидно, и заключен весь художественный смысл «сверхсодержательного понятия» постантиутопического романа «Кысь».

При осмыслении новой жанровой формы всегда актуальны *композиционные особенности произведения*, отличающие его от предшествующих форм. Данные особенности складываются из сюжетных ходов, мотивов, хронотопа (времени и пространства), которые позволяют нам ещё раз убедиться, что рассматривать произведение Т. Толстой в рамках антиутопии неправомерно.

Если в антиутопии пространство замкнуто островом, городом, страной и отделено от окружающего мира морем, стеной, то постантиутопия представляет мир как безграничное пространство, уходящее на юг, запад, восток, населенное различными видами и типами. «…На семи холмах лежит городок Федор-Кузьмичск, а вокруг городка – поля необозримые, земли неведомые… На запад… не ходи. Там даже вроде бы и дорога есть – невидная, вроде тропочки. Идешь-идешь, вот уж и городок из глаз скрылся, с полей сладким ветерком повевает, все-то хорошо, все-то ладно, и вдруг, говорят, как встанешь. И стоишь. И думаешь: куда же это я иду-то?.. На юг нельзя. Там чеченцы…» [2] Следовательно, основное действие сфокусировано не на конкретном замкнутом пространстве, а на отдельном временном моменте, после которого или во время которого все стало таким, каким видит его читатель. Этот момент Т. Толстая называет «Большим взрывом».

В антиутопии исследователи выделяют два типа ориентации пространства: вертикальное («Записки экстремиста» А. Курчаткина, «Лаз» Набокова) и деформированное («Мы» Е. Замятина, «Котлован» А. П. Платонова). В постантиутопии пространство подвергается качественному переходу: оно больше не переводит героя через туннель, лаз, дыру в идеальные сферы, а сам герой не является уже единственной надеждой на спасение. Кроме того, пространство постантиутопии не предстает перед нами как нечто идеально-неидеальное (или деформированное), в результате герой-бунтарь, являющийся неким проводником по «мерзостям» мира, исключен полностью. Пространство в постантиутопии представлено как данность, из которой нет выхода. А герои – это всего лишь галерея типажей, так или иначе приспособившихся к окружающему миру. У Т. Толстой «Большой

КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
ART 14184 УДК 82.09
Комовская Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – ART 14184. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14184.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

взрыв» произошел, уже случился и человеку ничего не остается, как приспосабливаться к новым условиям. Бунт в подобной организации пространства не имеет смысла, зато важность приобретает стремление к сохранению и в зависимости от того, что человек начинает сохранять – себя или культуру, делит композиционно всех героев на прежних и перерожденцев с голубчиками. Данное композиционное деление героев можно представить в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2

Композиционное деление героев

Голубчики	***Прежние***	***Перерожденцы***
	Основные особенности	
Те, кто родился после «Большого взрыва», люди настоящего, но без прошлого	Те, кто жил до «Большого взрыва» и продолжает жить после него, люди прошлого, но без будущего	Те, кто удовлетворение собственных потребностей ставит выше интеллектуального и духовного развития. Вневременной тип, так как, не изменяясь, переходит из эпохи в эпоху
Характеризуются страхом перед нравственным идолом «Кысь»	Характеризуются стремлением популяризировать среди общества после «Большого взрыва» ФИЛОСОФИЮ	Характеризуются отсутствием в сознании как нравственного идола «Кысь», так и диалектических понятий философского плана
После «Большого взрыва» у каждого из них «свои последствия», но чаще они внешнего характера, им свойственны зачатки духовности, но в целом они интеллектуальные «неандертальцы»	Единственное последствие – не стареют. Живая память о прошлом, о человеческой душе и её богатстве	«Большой взрыв» превратил их в скотов, тем самым приравнял внешность к отсутствию души
Только имена, за редким исключением, если им удается постичь нравственную азбуку, к имени прирастает отчество (как у Варвары Лукинишны)	Есть имена и отчества (Лев Львович, Никита Иванович, Анна Петровна, Полина Михайловна, Виктор Иванович)	Только клички (Тетеря, за редким исключением имена – Николай)
	Речевая специфика	
Используют язык-мутант	Употребляют архаическую лексику, с обилием штампов	Разговаривают на низкой, бранной лексике
Боятся книг, так как от них болезнь	Берегут книгу как память о прошлом	Не интересуются книгой, ей предпочитают игру в карты
	Смысл и образ жизни, специфика сознания	
Смысл жизни – «сберечь мышь», так как «мышь шуршит, жизнь идет»	Смысл жизни – заставить голубчиков познать нравственную азбуку	Смысл жизни – меньше сделать и больше получить
Образ жизни: изба, стол с табуретом, лежанка, печь с угольками, под полом обязательно мыши, которых ловят на удавочку для еды, червыри насушенные, палка, чтобы дверь подпирать, когда уходишь, чулан с ржавью, крыша либо соломой, либо ржавью крыта. Кто побогаче, у того крыша тесовыми досками из клеля (елка плюс клен) крыта и агницы припрятаны (или радиоактивные финики)	Образ жизни: постоянные воспоминания о прошлом: «МОГОЗИНАХ», «ФЕЛОСОФИИ», «АРУЖЫИ», ОНЕВЕРСТЕЦКОМ АБРАЗАВАНИИ, ОСФАЛЬТЕ. В домах мышей не держат, в пищу ни их, ни червырей не употребляют	Образ жизни: «зверинец у тестя большой, почитай целая улица, а по сторонам две клети да загоны. Спервоначалу хлев просторный, в том хлеву стойла, а в стойлах перерожденцы… Морды хамские»
Сознание додуховное	Духовное	Бездуховное

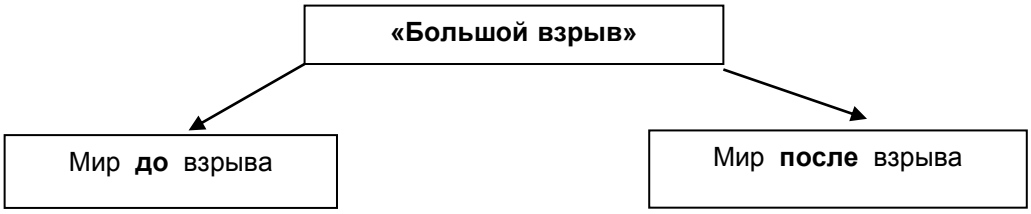
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
ART 14184 УДК 82.09
Комовская Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – ART 14184. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14184.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

С точки зрения представления времени в произведении Т. Толстой нет характерной для антиутопии устремленности к «будущему», чаще в художественном пространстве звучит призыв к прошлому. Мать Бенедикта постоянно повторяет: «раньше лучше жили» [2], Никита Иванович вспоминает историю, особенности прошлого, все рассказывает, «как раньше было» [2], устанавливает столбы памяти. Если в антиутопии «ошибкой становится сам факт исправления ошибок» [8], потому что время антиутопии – это время расплаты за совершенные ранее ошибки, то в постантиутопии, наоборот, никто ничего не исправляет, каждый пытается сохранить то, что уже имеет, что осталось ему после «Большого взрыва». Никита Иванович стремится сохранить память о прошлом, Бенедикт – книги, Кудеяр Кудеярович – власть.

Если утопию сопровождает карнавал, основу которого составляет абсолютное веселье, то антиутопию и постантиутопию сопровождает псевдокарнавал, но природа абсолюта у них различна. Антиутопия – это псевдокарнавал, пронизанный абсолютным страхом перед режимом, властью, государством, экономикой, катаклизмами. Псевдокарнавал постантиутопии организован по принципу абсолютного безучастия. Так, эпизод похорон женщины «из прежних», выписанный Толстой в псевдокарнавальной манере, не оставляет никаких чувств в сознании собравшихся, для них это пустая формальность (вне категории страха и трепета), вот почему некоторые стараются быстрее выступить, чтобы не мерзнуть.

Привычного для антиутопии конфликта в постантиутопии просто нет, так как нет основного противостояния: человека – государства, человека – режима, человека – природного катаклизма, человека – социума. Есть некая новая точка отсчета у Т. Толстой – это «Большой взрыв», разделивший мир на ДО и ПОСЛЕ.

Схематично сюжет романа Т. Толстой можно представить следующим образом:



Кажется, что такой сюжетно-композиционный ход роднит произведение Т. Толстой с фантэзийными жанрами, однако при внешней имитационности и близости романа «Кысь» к произведениям фэнтезийной литературы, мир которых обладает собственными территориальными единицами, необычной системой власти, населен человекоподобными существами, роман все-таки далек от подобного рода произведений. В романе «Кысь» фантастический аспект сведен к минимуму, потому что созданная Т. Толстой ирреальность аналогична гиперболическому обобщению мира в духе М. Е. Салтыкова-Щедрина, у которого «гротеск и фантастика не искажают действительности, они лишь доводят до парадокса» те или иные явления действительности с «помощью гротеска и фантастики» [14]. Роман Т. Толстой «Кысь», как «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «ставит диагноз социальным болезням, которые существуют в зародыше и ещё не развернули всех возможностей и “готовностей”, в них заключенных» [14]. Однако если Щедрин обращается к политической сатире, то Т. Толстая сосредоточена на деградации исторической культурной памяти. Кроме того, по словам исследователя Б. А. Ланина, «в сравнении с научной Фантастикой антиутопия рассказывает о куда более реальных и легче угадываемых вещах…» [8].

Комовская Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – ART 14184. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14184.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

В антиутопии очень часто используется композиционный прием путешествия-поиска, которое с течением времени трансформируется в бегство героя, а в постантиутопии данное путешествие или бегство модифицируется в новое узнавание истории прошлых лет, в результате с детства знакомые нам истины приобретают новое концептуальное значение, образуются некие семантические кванты, помогающие проникнуть вглубь сюжетно-композиционного замысла. Например, если «Оневерситетское образование» до Взрыва имеет положительную коннотацию, то после ничего не значит. Книга, исторически ассоциировавшаяся с источником знания, в сознании читателя, в художественном мире перерожденцев становится символом болезни. Извращение устойчивых положительных символов прошлого призвано показать всю чудовищность настоящего.

Т. Толстая в композиции романа использует сюжетный ход смешения букв древнерусского алфавита, каждая из которых становится заглавием отдельной главы, наполняя последнюю специфическим смысловым значением, в результате в романе можно выделить сюжетный и внесюжетный план и символический контекст. К примеру, глава «Ижица» в канве сюжета повествует о казни Никиты Ивановича, символическое значение возникает исходя из устойчивого выражения древности «прописать ижицу», то есть наказать кого-либо. Внесюжетный план данной главы представлен как авторским отступлением о зрелости, так и вставными цитатами из стихов А. Блока, Н. Кандиевской, данные строки помогают нам выстроить интертекстуальный ряд. Подобная организация текста прослеживается в каждой главе романа.

Подведем итог вышесказанному: под постантиутопией следует понимать литературное произведение, устремленное к идеалам прошлого, охватывающее необозримое пространство и имеющее «сверхсодержательное понятие» широкого философского плана; с созерцательным, безучастным, в силу личных особенностей или объективных причин, героем, который заново познает историю, в результате чего все художественное пространство заполнено семантическими квантами.

Ссылки на источники

1. Толстая Т. Н. Непальцы и мюмзики: интервью журналу «Афиша» // Т.Н. Толстая. Кысь. – М.: Эксмо, 2004.
2. Толстая Т. Н. Кысь. – М.: Эксмо, 2004. – С. 35.
3. Коллекция рецензий. Рецензия на «Кысь» Т. Толстой. Лев Рубинштейн. – URL: http://itogi.ru/paper2000.nsf/Article/Itogi_2000_10_26_183458.htm
4. Латынина А. В ожидании золотого века: от сказки к антиутопии // Октябрь. – 1989 – № 6. – С. 76–89.
5. Парамонов Б. Русская история наконец оправдала себя в литературе. – URL: http: // www. guelmen. ru /slava/kis/paramonov. htm.
6. Немзер А. С. Литературное сегодня: О русской прозе: 1990-е. – М., 1998. – 292 с.
7. Беньяшь Е. Дунин сарафан // Дружбы народов. – 2001. – № 2. – С. 102–105.
8. Ланин Б. А., Боришанская М. М. Русская антиутопия XX века. – М., 1994. – 368 с.
9. Лейдерман Н. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. – 2002. – № 4. – С. 122–134.
10. Паромонов Б. Русская история наконец оправдала себя в литературе. – URL: http // fanparty.ru. от 24.03.2014.
11. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Т. 2.
12. Проза 1970–1990-х годов: учеб. пособие / А. Н. Воробьева. – Самара: Изд-во Самарской гос. академии культуры и искусств, 2001.
13. Давыдова Т. Т. Роман Т. Толстой «Кысь»: проблемы, образы героев, жанр, повествование // Русская словесность. 2002. – № 6. – С. 25–30.
14. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Современная идиллия. Сказки / вст. ст. Ю. В. Лебедева. – М.: Современник, 1987. – 718 с.

КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
Комовская Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – ART 14184. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14184.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.
ART 14184 УДК 82.09
ISSN 2304-120X 07

Elena Komovskaya,
Candidate of Philological Sciences, Bryansk State University after the academician I. G. Petrovskogo, Bryansk
komovskaya86@mail.ru

From utopia to anti-utopia and post-anti-utopia (genre specifics of T. Tolstaya's novel "Kys")

Abstract. The author views the new genre version, determines the main genre signs of post-anti-utopia as independent genre on the example of T. Tolstaya's novel "Kys".

Key words: post-anti-utopia, supersubstantial concept, genre category, genre signs.

References

1. Tolstaja, T.N. (2004) “Nepal'cy i mjumziki [Tekst]: interv'ju zhurnalu ‘Afisha’”, in Tolstaja, T.N. *Kys'*, Jeksmo, Moscow (in Russian).
2. Tolstaja, T.N. (2004) *Kys'*, Jeksmo, Moscow, p. 35 (in Russian).
3. *Kollekcija recenzij. Recenzija na “Kys’” T. Tolstoj Lev Rubinshtejn*. Available at: http://itogi.ru/paper2000.nsf/Article/Itogi_2000_10_26_183458.html (in Russian).
4. Latynina, A. (1989) “V ozhidanii zolotogo veka: ot skazki k antiutopii”, *Oktjabr'*, № 6, pp. 76–89 (in Russian).
5. Paramonov, B. *Russkaja istorija nakonec opravdala sebja v literature*. Available at: http: // www. guelmen. ru /slava/kis/paramonov. Htm (in Russian).
6. Nemzer, A.S. (1998*) Literaturnoe segodnja: O russkoj proze: 1990-e*, Moscow, 292 p. (in Russian).
7. Ben'jash', E. (2001) “Dunin sarafan”, *Druzhby narodov*, № 2, pp. 102–105 (in Russian).
8. Lanin, B.A. & Borishanskaja, M.M. (1994) *Russkaja antiutopija XX veka*, Moscow, 368 p.
9. Lejderman, N. (2002) “Traektorii ‘jeksperimentirujushhej jepohi”, *Voprosy literatury*, № 4, pp. 122–134 (in Russian).
10. Paromonov, B. *Russkaja istorija nakonec opravdala sebja v literature*. Available at: http // fanparty.ru. ot 24.03.2014 (in Russian).
11. Lejderman, N.L. & Lipoveckij, M.N. Sovremennaja russkaja literatura: 1950–1990-e gody, vol. 2 (in Russian).
12. Vorob'eva, A.N. (2001) *Proza 1970-1990-h godov: ucheb. posobie*, Izdvo Samarskoj gos. akademii kul'tury i iskusstv, Samara (in Russian).
13. Davydova, T.T. (2002) “Roman T.Tolstoj ‘Kys’’: problemy, obrazy geroev, zhanr, povestvovanie”, *Russkaja slovesnost'*, № 6, pp. 25–30 (in Russian).
14. Saltykov-Shhedrin, M.E. (1987) *Istorija odnogo goroda. Sovremennaja idillija. Skazki*, Sovremennik, Moscow, 718 p. (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»